

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ МЕЛОЧИ

(1. *выпёндриваться*, 2. *грымза*, 3. *драндулёт*,
4. *в пыку*, 5. *сту́колка*, 6. *фи́фа*, 7. *шкет*)

Настоящие заметки посвящены словам, которые не только не этимологизировались до сих пор по большей части, насколько известно, но и не включены еще нередко в толковые словари русского языка (таково по крайней мере слово *выпёндриваться*). Тем не менее эти слова существуют и вполне заслуживают фиксации и выяснения их этимологии. Известный смысл, быть может, ложно понятый, их невключения в толковые словари общенародного языка заключался в ощущении того, что на этой лексике лежит печать арго, просторечия, что в общенародном языке их как бы нет и они должны фиксироваться иным путем. Решать эти вопросы здесь не входит в наши задачи. Вместе с тем предлагаемая статья в некотором роде тенденциозна, если обратить внимание на подбор этимологизируемой лексики. Да, арго и просторечие очень интересны в лексико-этимологическом плане, их словарь причудливо совмещает новые и древние элементы, заимствованное и исконное (последнее нередко с печатью индивидуальной формально-фонетической эволюции, мотивированной здесь стилистически). Этимологизация в пределах этой лексической сферы имеет, следовательно, свою специфику и сталкивается с элементами или целыми их пластами, которые отсутствуют вне этой сферы (ср., например, ряд сугубо просторечных, арго-тических чехизмов, о которых ниже). Деление на литературное и нелитературное абсолютно неактуально с точки зрения этимологии, которая занимается всем, что заслуживает этимологизации, в том числе и собранными здесь словами.

1. *выпёндриваться* 'выставлять себя напоказ' (в словарях не отражено), видимо, восходит к областному **выпетриваться*, где затем было инфицировано *-н-*, а *-тр-* перешло в *-др-* в условиях экспрессивного употребления. Форма **выпетриваться* может быть объяснена из **выпятиваться*, **выпятырить(ся)*, ср. блр. *выйпет-*

рыць 'выветрить, высушить'¹ и то и другое — из исконного слав. **vy-petriti*, собственно, 'выставить, растянуть, расстелить на приспособлении **pētro*'. Это последнее означало 'стояк, станина (для растяжки)', представлено достаточно широко в ряде славянских языков и связано этимологически с **peti*, **pēpo* 'натягивать, напяливать, пялить'.

2. *гры́мза*, бранно — о старом человеке², может быть понято в связи с *грымать* (*грым-э-а*) и т. д.³, что, однако, неизбежно повлекло бы за собой вывод о южном, украинском источнике распространения слова, ср. характерность рефлекса *-ры-* < *-ръ-* именно для украинского. Это, впрочем, маловероятно: словарь Гринченко не знает такого слова для украинского языка, а Даль (І³, 993) определяет эту форму скорее как восточную (моск., симб.). Другой возможностью происхождения, с которой приходится серьезно считаться, нам представляется экспрессивное инфиксирование *-м-*: *гры-м-за* < **грызва*, ср. *огрызаться*, *грызть* в значении 'изводить попреками' и т. п. Совершенно аналогичную экспрессивную инфиксацию такого же элемента находим в в.-луж. *hrymzać* наряду с *hryzać* 'грызть, хрустеть'⁴.

3. *дранду́лёт* — о старом, расхлябанном экипаже, повозке и т. п.⁵, насколько известно, еще не привлекал внимания этимологов, тем не менее представляет определенный интерес с точки зрения своего происхождения. Мы лишены здесь возможности обстоятельно документировать примерами время появления и историю этого слова, но не оставляет никаких сомнений, что это — новое слово. Оформление — конечное *-et* в *дранду́лёт* — мы считаем вторичным, приобретенным под влиянием, например, слова *кабриолет*. Дальнейшая этимологизация имеет дело только с основой *драндул-*, близкие соответствия которой мы находим прежде всего в польском: *drynduła*, *dryndulka*, *drendulka* 'наемная повозка, бричка, извозчик'⁶. Имея в виду выразительную ономатопоэтическую физиономию основы *drd-/drnd-/drynd-* и других подобных вариантов в целом ряде языков как славянских, так и за их пределами, мы допускаем здесь возможность того, что можно назвать «элементарным родством», т. е. близостью, не основанной на генетических связях, примеров чего особенно много в экспрессивной, звукоподражательной

¹ М. Байкоў і С. Некрашэвіч. Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1925, стр. 68.

² «Словарь современного русского литературного языка» III. М., 1954, стб. 453; Даль І³, стб. 993.

³ Vasmer I, стр. 314.

⁴ Pr. Dr. Pfuhl. Lausitzisch-wendisches Wörterbuch. Budissin, 1866, стр. 223.

⁵ «Словарь русского языка в четырех томах» I. М., 1957, стр. 601.

⁶ J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki I, стр. 569.

лексике. Однако, может быть, именно польск. *drynda* и русск. *драндул-ёт* связаны отношением заимствования (польск. > русск.)⁷.

4. в *пýку* 'наперекор, назло' — широко распространенный русский просторечный идиоматизм — обнаруживает особенности употребления, не позволяющие здесь видеть слово *пýка* в значении 'вид копья' (или в значении карточного термина), которое, бесспорно, заимствовано из французского языка, ср. франц. *rîque* во всех этих значениях. Более того, именно этот элемент контекста побуждает нас говорить об особом русском **пýка* II — в отличие от *пýка* I, только что упомянутого выше. Видя оправдание в семантической, ономасиологической аналогии образования польского предлога 'вопреки' — *wbrew* < **u* *brъvъ*, собственно, 'в бровь', мы объяснили бы наше выражение в *пýку* как образованное от **пýка* II 'физиономия, лицо, рот'. Предложенную гипотезу едва ли нужно упрекать в излишней смелости, так как искомое **пýка*, неизвестное в русском языке, широко представлено уже в украинском: *пýка* 'морда'⁸. Это слово родственно, далее, русск. *пýкать*, *пýкнуть*, с другим суффиксальным оформлением — *писк*, *пищáть*. Перед нами, таким образом, экспрессивное, но несомненно древнее образование со значением 'морда, лицо'. На основании сказанного мы получаем как будто право реконструировать праслав. **pika* 'лицо, морда', продолжающее существовать в отдельных современных языках. Сюда же, очевидно, блр. *упíка* 'попрек', *папíка*, то же, значения которых, мне кажется, подтверждают изложенные выше соображения о нашем идиоматизме в *пýку*.

5. *стýкалка* 'род азартной карточной игры'⁹ представляет собой кальку с нем. *Pochspiel* — от *pochen* 'стучать'¹⁰.

6. *фи́фа* 'пустая, легкомысленная девушка или молодая женщина, думающая только о развлечениях, нарядах и т. п.'¹¹ следует рассматривать как заимствование относительно недавнего времени, восходящее в конечном счете к ср.-в.-нем. *pfeife* при современном нем. *Pfeife* 'дудка, свисток'. В семантическом отношении ср. тоже просторечное *свисту́шка* 'фифа'. Вероятно, возможно, что слово *фифа* поступило из профессиональной лексики, ср. приводимое Далем *фéфка*, *фи́фка* 'трубочка, коею раздувают на свече или жирничке боковой, жаркий огонь, для пайки ме-

⁷ Далее о польск. *drynda* и соответствующих глаголах см.: Sławski I, стр. 172: «Звукоподражательные слова от звука при езде, ходьбе, движении». Ср. еще: А. Вгюкнег, стр. 99. Кратко о русск. диал. *дрында* см.: Vasmer I, стр. 375.

⁸ Гріченко III, стр. 150.

⁹ «Словарь современного русского литературного языка» XIV. М., 1963, стб. 1102 (вслед за Далем).

¹⁰ О немецком слове см.: Kluge¹⁵, стр. 573: *pochen*.

¹¹ «Словарь русского языка в четырех томах» IV. М., 1961, стр. 779.

лочей', с этимологической пометой И. А. Бодуэна де Куртене (*Pfeifchen*), указывающей на источник заимствования¹².

7. *шкет* (просторечное, бранное, из воровского арго) 'мальчишка, подросток'¹³ представляет собой заимствование из чеш. *šketa*, *čketa* 'болван, зверь, изверг'¹⁴. Оставляя открытым вопрос о конкретных путях проникновения данного заимствования, обратим лишь внимание читателя на тот несомненный факт, что целый ряд важных слов разговорно-просторечной сферы, а также более низких стилистических сфер русского словаря заимствован относительно недавно именно из чешского языка. Сюда относятся такие слова, как *грубийн*, *франт*, *кráля*, *-манда*¹⁵. Того же происхождения и аротизм *шкет*.

¹² Даль³ IV, стб. 1137.

¹³ Ушаков IV, стб. 1349; «Словарь русского языка в четырех томах» IV, стр. 984.

¹⁴ О чешском слове см. специально: K. Štěkeli. Slavische Wortdeutungen. — AfslPh XXVII, 1905, стр. 41 и сл. Маловероятно сближение Фасмера русск. *шкет* с чит. *schietel* 'откровенный' (Vasmeg III, стр. 406).

¹⁵ О последнем слове Фасмер сообщает с сомнением следующее: *манда* 'cunus'. Ср. чеш. *paní manda* (из *Magdalena*), по мнению Брюкнера (KZ 46, стр. 217), первоначально 'грешница' (Мария Магдалина), а также 'потаскуха'. См.: Vasmeg II, стр. 95. В связи с этим значительный интерес представляет слово *мандовишка* 'pediculus pubis', требующее специальных пояснений. Это слово в числе других таких же слов по принятому у нас обыкновению, к сожалению, игнорируется или избегается даже крупнейшими национальными словарями, так, оно пропущено даже в дополнениях И. А. Бодуэна де Куртене к словарю Даля! Между тем перед нами несомненно древнее сложение, сохраненное исключительно устной традицией. Внешние сравнения, главным образом в виде польск. *mędoweszka*, *mądoweszka*, *mandoweszka* 'pediculus pubis', позволяют уверенно реконструировать праслав. **mədovъška*, которое войдет на правах самостоятельной позиции в словарии будущего «Этимологического словаря славянских языков (prasлавянский лексический фонд)». Правильным русским, восточнославянским рефлексом этой праславянской формы было бы цезасвидетельствование **мудовошка* (ср. *мудé* 'testiculi'), которое, надо полагать, позднее подверглось воздействию заимствованного *манда* (или польских форм?).